Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 123–133
Lomonosov Journal of Anthropology. 2026. No 3, pp. 123–133

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ / ANTHROPOLOGY
Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-09
УДК/UDC 03.61.21

Опыт антропологического изучения полихромных гипсовых масок греко-римского Египта (на примере мужской выборки)

Л.Ю. Шпак ✉

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

✉ larusparus@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Введение. Натуралистические погребальные портреты в виде скульптурных изображений умершего (гипсовые маски) появляются в египетском заупокойном культе в римский период истории Древнего Египта, свидетельствуя о синтезе религиозных и культурных традиций полиэтнического римского общества. Проведение первичной антропологической оценки изобразительного материала – полихромных гипсовых погребальных масок стало целью данной работы.

Материалы и методы. Материалы собирались в оцифрованных коллекциях музеев, а также с использованием каталога (Müller, 2021b). Всего рассмотрено 206 мужских масок, выборка рассматривалась в трёх градациях «портретности» и «возраста» индивидов. В работе применялся антропоскопический метод, для описания пигментации использовали фактический цвет краски или инкрустации. Для расчёта данных применялась одномерная статистика и одномерный дисперсионный анализ (F –критерий); оценивались достоверности различий встречаемости признаков (хи-квадрат).

Результаты и обсуждение. Из многочисленного корпуса гипсовых масок лишь малая их часть могла представлять портрет конкретного человека, в большинстве своём маски типизированы, но полиморфны в отображении морфологии лица. Как элемент идеализации образа на масках изображается улыбка (42%). Количество признаков для антропологического описания в трёх группах «портретности» достоверно отличаются, проработанность черт лица на масках максимальна в выборке зрелого возраста. Сравнение средних баллов развития описательных признаков и частот встречаемости показали значимые достоверные различия для нескольких признаков: выступание скул (для «портретных» и для возрастных групп), ширина глазной щели и цвет глаз (только для «портретных» групп), форма волос (только для возрастных групп). Пигментация волос на масках показана только коричневым (29,5%) и чёрным (70,5%) цветом, светлая и смешанная пигментация глаз (12,7%) показана чаще инкрустацией. Частота встречаемости прямой формы волос и «светлых» глаз меняется с увеличением портретности масок и возрастом изображённого персонажа.

Заключение. Мужская выборка гипсовых масок демонстрирует наличие внутригрупповой изменчивости и схожую в целом картину вариаций большинства описательных признаков лица вне зависимости от уровня исполнения портрета-маски. Дальнейшее антропологическое изучение гипсовых масок требует коррекции выборки и увеличения численности наиболее портретных масок.

Ключевые слова: биологическая антропология; греко-римский Египет; погребальные маски из гипса; маски-портреты; гипсовые портреты

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова

Для цитирования: *Шпак Л.Ю.* Опыт антропологического изучения полихромных гипсовых масок греко-римского Египта (на примере мужской выборки) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 3. С. 123-133. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-09

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

An anthropological study of polychrome plaster masks from Greco-Roman Egypt (using a male sample as an example)

Larisa Yu. Shpak ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ larusparus@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. Naturalistic funerary portraits in the form of sculpted images of the deceased (plaster masks) appeared in the Egyptian mortuary cult during the Roman period of Ancient Egypt testifying to the synthesis of religious and cultural traditions in the multiethnic Roman society. The aim of this study was a preliminary anthropological assessment of the figurative material – polychrome plaster funerary masks.

Materials and methods. Materials were collected from digitized museum collections, as well as using a catalog (Müller, 2021b). A total of 206 male masks were examined, with the sample being analyzed across three gradations of "portrait" and "age." The study utilized an anthroposcopic method, using the actual color of the paint or inlay to describe pigmentation. Univariate statistics and univariate analysis of variance (F-test) were used for data analysis; the significance of differences in feature occurrence was assessed (chi-square).

Results and discussion. Of the numerous plaster masks, only a small fraction could represent a portrait of a specific individual. Most masks are typical, but polymorphic in their depiction of facial morphology. A smile is depicted on masks as an element of idealization (42%). The number of anthropologically descriptive features in the three "portrait" groups differed significantly, with the highest level of facial detail in the masks being found in the mature sample. A comparison of the mean scores for the development of descriptive features and their frequencies revealed significant differences for several features: prominence of the cheekbones (for both "portrait" and age groups), width of the eye slit and eye color (for "portrait" groups only), and nature of the hair (for age groups only). Hair color on masks is shown only in brown (29,5%) and black (70,5%), while light and mixed eye pigmentation (12,7%) is most often depicted through inlay. The frequency of straight hair and "light" eyes changes with increasing portraiture of the masks and the age of the depicted character.

Conclusion. The male sample of plaster masks demonstrates within-group variability and a generally similar pattern of variation in most descriptive facial features, regardless of the mask's degree of portraiture. Further anthropological research on plaster masks requires sample adjustments and an increase in the number of masks with the most portrait-like features.

Keywords: biological anthropology, Greco-Roman Egypt; plaster funerary masks; portrait masks; plaster portraits

Acknowledgements. The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

For citation: Shpak L.Yu. An anthropological study of polychrome plaster masks from Greco-Roman Egypt (using a male sample as an example). *Lomonosov Journal of Anthropology.* 2026 (3), pp. 123-133. https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-3-09

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Введение

Традиция погребального портрета существовала в Древнем Египте с фараоновских времён и продолжалась во времена правления Птолемеев и далее при римлянах. В эллинистическую эпоху в египетский изобразительный канон привносится элемент реализма, а в римский период появляются, в том числе портреты, выполненные в натуралистическом (римская традиция веризма) стиле. Эти портреты писались красками на досках или саване мумии (фаюмские портреты), а также изготавливались из гипса в жанре круглой скульптуры по типу римских бюстов, и которые по исторической традиции называются масками. Но в отличие от светского характера римских портретных бюстов, греко-римские гипсовые маски выполнены в жанре погребального портрета, что накладывает определённые ограничения на воспроизведение натуры художником (Павлов, 1967). Маски сочетали в себе как современные римские, так и традиционные элементы (египетские, греческие), их могли заказывать как эллинизированные египтяне и египетские греки, так и египтизированные римляне. Смешение религиозных и культурных традиций в многоэтничном обществе римского Египта предоставляло выбор погребального изображения для самопрезентации и самоидентификации усопших (Фридманн, 2012; Borg, 2000; 2012; Riggs 2002; 2005). Портреты транслировали принадлежность умершего к определённой группе (социальной, религиозной, профессиональной) эллинизированного римского общества, уровень исполнения портрета (реалистическое изображение) демонстрировал «элитарный статус» семьи умершего (Walker, 1997; Borg, 2000; 2012; Riggs 2002; 2005). Портрет, как и другие элементы убранства мумии (причёска, одежда, украшения, атрибуты) служили «социальными маркерами» идентичности усопшего (Walker, 1997), в том числе этнической, но не в смысле расового происхождения (Borg, 2000).

Все маски римского периода, согласно их иконографии, ранее подразделяли на римские и египетские группы, а датирование проводилось на основе стиля и типологии причёски, одежды, атрибутов (Grimm, 1974). Была предложена трёхчастная классификация погребальных масок на основе типологических особенностей, в которой выделяют «египтизированную», «эллинизированную» группы, а маски с гипсовыми головами относят к «реалистической группе» (Фридманн, 2018). Однако существует много свидетельств гибридизации погребальных элементов (эллинистических, египетских, римских) в убранстве мумий, а также присутствие подобных мумий в одно время в одном некрополе, что свидетельствует о сложности их чёткого разделения на группы (Riggs, 2005; Borg, 2012; Müller, 2021a).

Хронологические изменения формы и положения гипсовой маски мумии от плоско лежащей (I в.) до поднятого портрета-бюста (II–III вв.) отразились и на передаче физиономических особенностей. Маски I века сохраняют эллинизированный стиль и типологию с обобщением трактовки черт лица, во II веке появляются пластически выполненные портретные маски-бюсты с детально проработанными чертами лица (Павлов, 1967; Муравьёва, 2008; Васильева, 2020; Grimm, 1974; Müller, 2021a), представляющие наибольший антропологический интерес.

От большого числа мумий остались лишь гипсовые головы (маски) и при их атрибуции, особенно в отсутствии археологического контекста, возникают проблемы определения их происхождения и хронологии (Муравьёва, 2008; Borg, 2012; Müller 2017; 2021a). Маски с гипсовыми головами происходят только из мастерских Среднего Египта, происхождение из других регионов Древнего Египта, в том числе Фаюма подвергается аргументированной критике (Müller, 2021a). Ранее нами была предпринята попытка изучения изменчивости морфологических признаков и пигментации на примере выборки фаюмских портретов (Перевозчиков с соавт., 2012). Изучение греко-римских погребальных гипсовых масок представляет для нас непосредственный интерес, как для дальнейшего сопоставления с фаюмским портретом, так и в перспективе межгруппового сравнительного анализа морфологической изменчивости у античного средиземноморского населения по различным изобразительным источникам. Определить возможности дальнейшего использования погребальных греко-римских масок и дать первичную антропологическую оценку материалу стало целью данной работы.

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Материалы и методы

Материалы по погребальным маскам собирались в оцифрованных коллекциях музеев, интернет-ресурсам свободного доступа к цифровым фотографиям в хорошем разрешении (Лувр. Available at: https://collections.louvre.fr/en/recherche?q=masque+de+momie. Accessed: 15.11.2024; Метрополитен музей. Available at: https://www.metmuseum.org/search-results?q=Plaster+Mask+Roman+Period&searchFacet=Art. Accessed: 16.11.2025; Британский музей. Available at: https://www.metmuseum.org/art/collection/search?q=plaster+masks&department=Egyptian+Art. Accessed: 17.11.2024; Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Ancient_Egyptian_funerary_masks_by_museum. Accessed: 18.11.2024; Электронный каталог А. Мюллер на сайте IDAI. Available at: https://arachne.dainst.org/project/mumienmasken. Accessed: 10.01.2025).

В работе использовались диссертация и печатный каталог А. Мюллер, в котором помещены памятники не доступные в онлайн формате музеев, а также памятники из недавних раскопок (Müller, 2021a; 2021b). В каталоге представлены сведения о материале, технике производства и иконографии, а также реконструкции происхождения масок по группам мастерских. Каталог А. Мюллер частично пересекается с каталогом Г. Гримма, в котором было рассмотрено 900 масок (Grimm, 1974). В настоящее время известно о 1166 гипсовых масках мумий разной степени целостности (82% от всех типов) времени римской империи (Müller, 2021a, с. 43). Данные о новых памятниках прибывают как от археологов, так и из запасников музейных собраний, как, например, двадцать пять гипсовых масок из музея изобразительного искусства Будапешта, которые были введены в научный оборот (Müller, 2017). В собрании Пушкинского музея находится десять масок (Васильева, 2020), мужские маски включены в нашу выборку. Всего было рассмотрено 206 мужских гипсовых масок I–IV веков в основной выборке и дополнительно 22 детских. Выборка была разделена по возрастным когортам: подростки (N=66), молодые (83), зрелые (32), неопределённый возраст (25). Большая часть масок (72%) относится к II–III векам и происходит из Среднего Египта. На гипсовых масках выделяют две основные группы изображений глаз – скульптурные (моделированные) и вставные (инкрустации) (Grimm, 1974; Müller, 2021a), в нашей выборке они распределены почти поровну. Для описания пигментации использовали фактический цвет, используемый художником: краски – для волос, цвет краски или инкрустации – для глаз. Сохранность масок позволила учесть цвет глаз в 65 случаях и в 100 случаях – с инкрустацией, цвет волос – в 176 случаях. Определение формы волос производилось согласно традиционной методике (Бунак, 1941; Martin, 1928). В работе использована одномерная статистика и одномерный дисперсионный анализ (F-критерий); для отдельных признаков были найдены коэффициенты корреляции (r) и сопряжённости Пирсона (Кп); оценка достоверности различий встречаемости признаков (хи-квадрат и z-критерий) в группах выполнена с использованием программы В.Е. Дерябина «Тест» версия 3.

Результаты и обсуждение

Портретность и портретное сходство в нашем современном понимании (сходство с натурой, психологизм образа) не были важным фактором для приобретателей погребальных масок. По мнению А. Мюллер главной задачей при создании портрета-маски было не создание физиономического сходства, а его выделение из группы похожих за счёт придания «индивидуальных» характеристик (Müller, 2021a, с. 161). Этими характеристиками, помимо передачи половозрастных особенностей, были использование полихромии, инкрустаций, причёски, украшений, одежды и т.д. Пожелание заказчика к физиономическому сходству, вероятно, было спорадическим явлением и зависело от личных предпочтений (например, как в погребении членов семьи с разными типами погребальных портретов из «гробницы Алины»). Если мумии на протяжении нескольких поколений могли быть вовлечены в семейные религиозно-обрядовые действия, то визуальные элементы на их портретах (пол, возраст, статус) могли выполнять важную связующую социальную функцию в самоидентификации членов семьи (Фридманн, 2012, 2018; Borg, 2000). И здесь встаёт один из важных и, по-прежнему, дискуссионных вопросов со времён находок и первой классификации портретов Флиндерсом Питри (Petrie, 1889) о том, когда и как, и с какой целью делалась портретная маска или погребальный живо-

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

писный портрет (Riggs, 2002). И этот вопрос имеет прямое отношение к антропологическому аспекту изучения этих иконографических источников. Большинство гипсовых масок были изготовлены с помощью формы с последующей доработкой, поэтому идентичные типологии лица являются одним критериев происхождения мастерской или группы мастерских (Müller, 2017; 2021a). А. Мюллер полагает, что о физиономическом сходстве можно говорить только в отношении тех масок, которые были сняты непосредственно с умерших[1], и по её данным таких масок всего шесть (Müller, 2021a, с. 158). Поскольку погребальные маски, на наш взгляд, полиморфны даже в своём «типологическом» отображении морфологии лица, мы решили учесть все вариации лиц в нашей (случайной!) выборке, для чего попытались рассмотреть материал, распределив его по степени «портретности» и по степени выраженности возрастных особенностей маски (рис.1).

Согласно общему визуальному впечатлению о морфологии лица изображённого индивида, выборка масок была ранжирована по группам «портретности», которые соотносятся с градиентом «условность – индивидуальность» при восприятии маски. И под «портретностью» в нашем случае мы подразумеваем степени проработки и детализации черт лица, которые позволяют произвести определение описательных признаков. На одном полюсе у нас получилась выборка масок с очень обобщённым и довольно условным изображением черт лица (36 случаев), а на другом, противоположном – маски с хорошо проработанными индивидуальными чертами (55), промежуточная группа оказалась наиболее многочисленной (115). «Портретность» масок не зависит от хронологического периода их производства (Кп = 0,2; r=0,06). Маски с максимальной «портретностью», аналогиями которым могут быть римские скульптурные портреты, могли изготовляться по индивидуальному заказу и представлять портрет конкретного человека. Но таких истинных портретов действительно мало, как, например, маски 2.3 и 3.3 из нашей выборки (рис. 1). Первая из них находится в коллекции Каирского египетского музея (№ J.E. 49686) и происходит из Туна-эль-Гебель (Средний Египет), датируется первой половиной третьего века (Grimm, 1974). А вторая маска происходит из экспедиции 1923 года Эрнста фон Зиглина в Александрию, была датирована первым веком (Pagenstecher, 1923, вкладка XII) и сейчас находится в коллекции антиков (№ 1. 46) в музее Вюртемберга в Штутгарте. Другими исследователями эта маска датируется периодом Антонинов (160-190 г. по А. Мюллер (Müller, 2021b)) или периодом Адриана (117–138 г.) (Grimm, 1974). А. Мюллер полагает, что она была изготовлена на основе посмертного слепка (Müller, 2021a, с. 158; 2021b, с. 8092). Размытость датировок, особенно при отсутствии археологического контекста и целостности мумии возникает, в том числе, из-за сложности соотнесения иконографии согласно римской хронологии, особенно, когда причёска и форма волос нестандартны или не соответствуют римской моде. Так, к примеру, один из мужских портретов в Пушкинском музее (№ I, 1a, 2734) согласно музейному рубрикатору датируется началом второго века (Васильева, 2020), согласно другим данным датируется 140–250 годами (Müller, 2021b), а также не раньше четвёртого века (Муравьёва, 2008). Как верно отметила А. Мюллер, «три основные проблемы, которые преследуют изучение всего жанра: происхождение, хронология и функция» (Müller, 2017, с. 298).

«Портретность» в разных возрастных когортах достоверно отличается (χ^2 =44,33; P=0,000). Проработанность черт лица на масках увеличивается от подростков-юношей и максимальна в выборке зрелого возраста, где иногда на масках встречались даже изображения морщин, носогубных складок, залысин и седых волос. Основным моментом для разделения выборки по возрастам подростки–молодые было отсутствие бороды и усов. Трудность в определении возраста на масках относилась к границам выбранных категорий. Подобные случаи неопределённого возраста (20 индивидов – на границе подросток/молодой, 5 – молодой/зрелый) одинаково часто имели первую и вторую категории «портретности». В целом по объединённой выборке (206 чел.) получилось сделать 80,4% определений (2318 из возможных

[1] Гипсовые отливки с живых и мёртвых лиц для последующего создания скульптурных портретов практиковались в Древнем царстве, в основе лежала идея сходства (душа вселяется в своё подобие). Прообразом масок греко-римского времени, по мнению В.В. Павлова, также было создание моделей на основе гипсовых отливок, модели отражали «типологию эпохи», которая могла иногда превалировать над передачей индивидуального сходства (Павлов, 1967, с. 10-12).

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Рисунок 1. Примеры мужских погребальных гипсовых масок римского Египта с различной выраженностью «портретности» и возраста индивидов
Figure 1. Examples of male funerary plaster masks from Roman Egypt with varying degrees of "portraitness" and ages of the people depicted

Примечания. По горизонтальным рядам – группы «портретности» от минимальной (1) к максимальной (3); по вертикальным рядам – группы по возрасту: подростки (1), молодые (2), зрелые (3).

Notes. The horizontal rows represent "portraitness" groups from minimum (1) to maximum (3); the vertical rows represent age groups: very young (1), young (2), mature (3).

2884): на первую «портретную» группу приходится 16,2% всех определений, 55,7% – на вторую и 28,04% – на третью. Количество фиксируемых признаков для антропологического описания по трём группам «портретности» достоверно (χ^2=18,65; P=0) отличаются: первая «портретная» группа – 74,6% определений (376 из теоретически возможных 504 определений), вторая – 80,2% (1292 из 1610), третья группа – 84,4% (650 из 770).

Маски, в большинстве своём, представляют идеализированные и внепсихологичные образы. Идеализация образа заключается, в том числе в обобщении черт лица и связана с символизацией здоровья и благополучия, и желанием заказчика маски таковым предстать в загробной жизни. (Riggs 2005; Müller, 2021a). Об этом же свидетельствует отсутствие на большинстве масок признаков старения. Наличие улыбки на

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

маске можно воспринимать двояко, как элемент идеализации, и как элемент придания «живого» скульптурной форме.[2] При этом на масках, кроме тех, что с улыбкой, отсутствует другая мимика. Определения признаков, связанных с толщиной губ мы решили пока не включать в нашу программу, на масках изображение улыбки присутствует в 42% случаев. Присутствие улыбки у персонажей влияет на наше восприятие «портретности» маски (r = –0,3; н/д), наличие улыбки не связано со временем изготовления маски и возрастом индивида (нулевые корреляции). Даже у максимально портретных масок в нашей выборке присутствует изображение улыбки (23,6%), в группе зрелых мужчин наличие улыбки персонажа встречается достоверно реже (табл. 1).

Диморфизм черт лица на маске оценивался исходя из того, что «феминное» по фенотипу лицо могло с равной вероятностью принадлежать как женщине, так и мужчине (34 подобных случая в выборке).[3] О невозможности определения пола для некоторых групп масок говорит и А. Мюллер (Müller, 2017; 2021a). Диморфизм черт лица максимально выражен на масках с наименьшей портретностью в выборке подростков-юношей, что вполне ожидаемо. Наиболее портретные маски с маскулинным лицом достоверно чаще встречаются в выборках молодых и зрелых мужчин, при этом в выборке зрелых мужчин не встретилось ни одной маски с минимальной портретностью (табл. 1). Сравнение частоты распределения описательных признаков в трёх выборках по степени портретности и в четырёх выборках по возрасту не дали достоверных отличий по признакам: рост бороды (в выборке юношей-подростков признак отсутствовал по определению), цвет волос, наклон глазной щели, поперечный профиль спинки носа, высота переносья. Пигментация волос на масках показана только коричневым (29,5%) и чёрным (70,5%) цветом. По остальным признакам отмечались различия с разной степенью достоверности (табл. 1). Выступание скул сильнее проработано на более портретных масках и увеличивается в возрастных когортах. Ширина глазной щели достоверно отличается только в выборках по степени портретности, в разновозрастных когортах различия недостоверны. С увеличением портретности маски и возрастом индивидов увеличивается частота изображений с более высокой верхней губой, а различия в профиле верхней губы достоверны только для возрастных когорт. Частота встречаемости прямой формы волос и «светлых» глаз меняется с увеличением портретности масок и возрастом индивида. Светлый и смешанный цвет глаз на масках (всего 21 случай – 12,7%) встретился как выполненный пигментом (5), так и инкрустацией (16), причём во всех возрастных когортах, но кроме масок с минимальной портретностью. Бóльшую изменчивость в отображении общего профиля спинки носа демонстрируют наиболее портретные маски, вне зависимости от возраста изображённого. Частота распределения многих признаков в четвёртой выборке (неопределённый возраст) близка к первой или второй, поскольку в ней преимущественно представлены варианты масок, которые можно было отнести как к подросткам, так и к молодым людям.

В зависимости от портретности и возраста изображённого персонажа маски были вычислены средние баллы развития признаков по выборкам и произведена оценка достоверности их отличий (F-критерий) в каждой из групп. Четвёртая выборка по возрасту (неопределённый возраст) была исключена из расчётов (табл. 2).

Аналогичный значимый результат дали такие признаки как выступание скул (для обеих групп выборок), ширина глазной щели и цвет глаз (только для портретной группы выборок), форма волос (только для возрастной группы выборок). По остальным признакам не обнаружилось достоверных различий в средних баллах, то есть маски с разной степенью портретности отображают схожую в целом картину изменчивости в группе. Достоверных отличий выборок

[2] Улыбка могла быть как лёгкой обычной, так и серповидно изогнутой формы, называемая археологами «архаическая», встречающаяся на греческой архаической скульптуре. Б.Р. Виппер высказывается о двух бытующих теориях её происхождения: 1) отход от восточных (египетских) традиций, 2) попытка преодоления плоскостного изображения лица (Виппер, 1971, с. 112). Говорится ещё об улыбке «эллинистического типа» на некоторых масках (Васильева, 2020, с. 43-44). В.В. Павлов пишет о «тонкой застывшей на лице улыбке», которая «пройдёт через всё египетское искусство, начиная с Нового царства и до Римской эпохи» (Павлов, 1967, с. 14).

[3] При рассмотрении масок на сайтах музеев нам встретились пока три случая использования одного и того же типажа лица и для мужской, и для женской маски. Случаев, когда одна и та же мужская маска путём доработки (борода, усы, щетина) использовалась для изображения разновозрастных персонажей, встретилось довольно много.

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

по среднему баллу цвета глаз в зависимости от возраста персонажа маски не выявлено, они достоверны только с позиции портретности масок. Возможно, что частота светлых и смешанных глаз в выборке может быть даже больше, поскольку не исключены сдвиги определений на границах шкал в силу отсутствия технических возможностей (фотографии большого разрешения) и отсутствия уточнений в музейных описаниях.[4] В римское время на масках продолжается традиционное использование инкрустаций чёрным стеклом или камнем, со второго века появляется технология с использованием вставки прозрачного стекла (или слюды) с окрашенной подложкой (Müller, 2021a, с. 46–47). Этот тип инкрустации был изобретён мастерами Среднего Египта и достигнул массового распространения к середине третьего века. И на таких масках возможность определений цвета зависит от сохранности материалов, при помутнении поверхности стекла, мы ориентируемся на наличие контрастного зрачка (то есть цвет глаз – не чёрный), но при его отсутствии точное определение цвета без макрофотографии затруднительно (например, маска подростка № 2736 из Пушкинского музея). Также нам пока непонятна ситуация с трактовкой инкрустаций глаз тёмно-синего и серо-синего цвета, они включены нами в светлый тип глаз. Синий цвет инкрустации также не указывается ни в каталоге А. Мюллер, ни в музейных описаниях (например, № 24902 в Британском музее; № AF 2130 в Лувре).

Также остаётся пока не окончательно прояснённой ситуация с изображением причёски у детей и подростков. В выборке детей (N=22), которая не вошла в итоговые вычисления и была рассмотрена отдельно, встретились только прямые и кудрявые волосы в равном соотношении. Различия в частоте встречаемости формы волос у подростков/юношей в сравнении с остальными можно объяснить тем, что, скорее всего и для этой возрастной группы масок при их изготовлении не всегда придерживались соблюдения римской моды на причёски. О незначительном влиянии римской иконографии причёсок на эту возрастную категорию высказывается А. Мюллер (Müller, 2017; 2021a). Иконография волос на масках очень важна с точки зрения антропологии, поскольку касается определения формы волос, и в случае детской выборки картина изменчивости может быть более приближена к реальной в популяции.

Заключение

Таким образом, исследованная мужская выборка гипсовых масок демонстрирует наличие внутригрупповой изменчивости и при этом схожую в целом картину вариаций большинства описательных признаков лица вне зависимости от уровня исполнения портрета-маски. Такие признаки, как цвет глаз, выступание скул и ширина глазной щели достоверно отличаются в зависимости от степени «портретности» маски. Различия в выступании скул на масках можно объяснить возрастной морфологической изменчивостью (художник это фиксировал), в случае с формой волос – возможным отображением реальной изменчивости в популяции в силу меньшего влияния римской моды на причёски детей и подростков. Цвет глаз, как наиболее индивидуализирующий физический признак маски-портрета не может восприниматься как просто полихромный элемент в общем убранстве мумии, а должен трактоваться как отображение изменчивости пигментации. В этом нас убедили как фаюмские портреты, так и случай с изображением возможной гетерохромии глаз на маске мужчины (Тюбинген, Германия, инв. № 1807) из коллекции антиков Э. Зиглина (Pagenstecher, 1923, вкладка XI). Итоговые расчёты частот встречаемости признаков на материале гипсовых масок римского Египта требуют коррекции выборки (исключение масок с минимальной «портретностью» и укрупнение возрастных групп) и увеличения численности наиболее портретных масок.

[4] В каталоге А. Мюллер не указывается цвет инкрустаций глаз; для маски с серо-голубыми глазами и обозначенным зрачком из Итонского колледжа (№ ECM 1576) автор не уверен в технологии инкрустации – это покрывающая стеклянная пластина или же цветное стекло (Müller, 2021b, с. 3393). В «коричневый» цвет глаз могли попасть случаи переходных оттенков (№5 буро-жёлто-зелёный и №6 зелёный), такие как, например, мужские маски из Лувра (№ MG 2704; 2703), где в описаниях физических характеристик памятников цвет также не указан. Описание цвета глаз, выполненных краской, имеется в путеводителе Пушкинского музея для мужской маски № 2730 как «выразительных серо-зелёных» (Васильева, 2020, с.37), но ранее они были определены как «серые с голубым оттенком» (Павлов, 1967, с. 17).

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Таблица 1. Различия в частоте встречаемости признаков в выборках, сформированных по степени выраженности «портретности» масок и по возрасту индивидов (в процентах)
Table 1. Differences in the frequency of descriptive features in samples formed according to the degree of expression of the "portraitness" of masks and the age of individuals (in percent)

Описательные признаки Descriptive traits	По «портретности» Portrait Groups			χ^2; P	По возрасту Age Groups				χ^2; P
	1	2	3		1	2	3	4	
Форма волос Nature of the hair: 1 – прямые – straight 2 – волнистые – slightly wavy 3 – кудрявые – wavy	50 3,3 46,7	22,02 22,02 55,96	19,6 28,3 52,1	χ^2=14,54** P=0,006	34,4 27,9 37,7	17,6 18,9 63,5	17,9 17,9 64,2	40,9 9,1 50	χ^2=14,76* P=0,022
Цвет глаз eye color: (1 и 2) –«светлые» – «light» 3 – коричневые – brown 4 – чёрные – black	0 42,03 57,7	8,1 33,3 58,6	26,9 28,8 44,3	χ^2=15,68** P=0,003	6,3 29,2 64,5	13,2 44,1 42,7	27,6 13,8 58,6	5 35 60	χ^2=16,84** P=0,010
Выступание скул Prominence of the cheekbones: 1 – слабое – small 2 – среднее – medium 3 – сильное – strong	91,7 8,3 0	85,8 14,2 0	61,5 38,5 0	χ^2=17,3*** P=0,000	93,8 6,2 0	70,7 29,3 0	65,5 34,5 0	96 4 0	χ^2=20,8*** P=0,000
Высота верхней губы Upper lip height: 1 – низкая – short 2 – средняя – medium 3 – высокая – long	44,4 55,6 0	49,6 46,9 3,5	39,2 41,2 19,6	χ^2=18,38** P=0,001	40 55,4 4,6	53,8 41,3 5	50 30 20	32 64 4	χ^2=16,7* P=0,010
Профиль верхней губы Upper lip profile: 1 – прохейлия – proheilia 2 – ортохейлия – orthoheilia 3 – опистохейлия – opistoheilia	61,5 38,5 0	47,2 52,8 0	48,4 41,9 9,7	χ^2=8,01 P=0,091	58,8 41,2 0	40,5 59,5 0	43,7 37,5 18,8	60 40 0	χ^2=19,82** P=0,003
Ширина глазной щели Eye size (width of the eye slit): 1 – малая – narrow 2 – средняя – medium 3 – большая – broad	0 25 75	0,9 50,9 48,2	0 69,8 30,2	χ^2=23,24*** P=0,000	0 48,5 51,5	1,2 46,9 51,9	0 74,2 25,8	0 44 56	χ^2=10,98 P=0,140
Общий профиль спинки носа Nasal bridge general profile: 1 – вогнутый – concave 2 – прямой – straight 3 – выпуклый – convex 4 – извилистый – wavy	0 90,5 9,5 0	4,5 83,6 11,9 0	11,4 54,3 31,4 2,9	χ^2=18,66** P=0,009	4,8 85,7 9,5 0	6,5 73,9 19,6 0	10 65 20 5	0 73,3 26,7 0	χ^2=12,01 P=0,632
Возраст / Age: 1 – подростки – very young 2 – молодые – young 3 – зрелые – mature 4 – неопределённый – undefined	36,1 30,6 0 33,3	39,1 39,1 12,2 9,6	14,6 49,1 32,7 3,6	χ^2=44,19*** P=0,000	–	–	–		–
«Портретность» “Portraitness” 1 – минимальная – minimum 2 – средняя – medium 3 – максимальная – maximum	–	–	–	–	19,7 68,2 12,1	13,3 54,2 32,5	0 43,7 56,3	48 44 8	χ^2=44,3*** P=0,000
Наличие улыбки The presence of a smile есть / нет – present / absent	58,3 41,7	45,2 54,8	23,6 76,4	χ^2=12,2** P=0,002	50 50	37,3 62,7	21,9 78,1	60 40	χ^2=11,32* P=0,010
Тип глаз / Eye typ инкруст. / пигмент – inlay / paint	33,3 66,7	53,9 46,1	58,2 41,8	χ^2=6,09* P=0,048	51,5 48,5	53 47	59,4 40,6	36 64	χ^2=3,33 P=0,343
Диморфизм / Dimorphism есть / нет – present / absent	30,6 69,4	17,4 82,6	5,4 94,6	χ^2=10,36** P=0,006	34,8 65,2	6 94	3,1 96,9	20 80	χ^2=27,69*** P=0,000

Примечания. В таблице приведены только те признаки, по которым выявлены достоверные отличия.
Notes. The table presents only descriptive features with identified reliable differences.

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Таблица 2. Оценка среднего балла развития признаков в выборках, сформированных по степени выраженности «портретности» масок и по возрасту индивидов
Table 2. Estimation of the average score of development of descriptive features in samples formed according to the degree of expression of the "portraitness" of masks and the age of individuals

Признаки / средний балл развития признака в выборках Features / average score of trait development in samples	По «портретности» Portrait Groups			F-критерий F-criterion	По возрасту Age Groups			F-критерий F-criterion
	1	2	3		1	2	3	
Рост бороды (1-5) Beard growth	3	2,80	2,81	н/д, P=0,751	-	2,76	2,96	–
Цвет волос Hair color	2,8	2,68	2,7	н/д, P=0,658	2,72	2,70	2,64	н/д, P=0,944
Форма волос (1-3) Nature of the hair	1,97	2,34	2,33	н/д, P=0,094	2,03	2,46	2,46	F=5,34** P=0,005
Цвет глаз Eye color	3,58	3,44	2,9	F=6,78** P=0,001	3,52	3,18	3,03	н/д, P=0,072
Выступание скул (1-3) Prominence of the cheekbones	1,08	1,14	1,38	F=8,95*** P=0,000	1,06	1,29	1,54	F=7,85** P=0,001
Высота верхней губы (1-3) Upper lip hight	1,56	1,54	1,8	н/д, P=0,074	1,65	1,51	1,70	н/д, P=0,243
Профиль верхней губы (1-3) Upper lip profile	1,38	1,53	1,61	н/д, P=0,460	1,41	1,59	1,75	н/д, P=0,116
Наклон глазной щели (1-3) Eyes slits; direction obliquity	2,14	2,06	1,96	н/д, P=0,258	2	2,05	2,10	н/д, P=0,567
Ширина глазной щели (1-3) Width of the eye slit	2,75	2,47	2,30	F=8,99*** P=0,000	2,52	2,51	2,26	н/д, P=0,079
Высота переносья (1-3) Nasal bridge hight	2,74	2,68	2,67	н/д, P=0,844	2,60	2,77	2,65	н/д, P=0,205
Поперечный профиль спинки носа (1-3) Transverse profile of the nasal bridge	2,81	2,59	2,70	н/д, P=0,149	2,62	2,65	2,79	н/д, P=0,327
Общий профиль спинки носа (1-4) Nasal bridge general profile	2,10	2,07	2,26	н/д, P=0,174	2,05	2,13	2,20	н/д, P=0,753

Список литературы

Бунак В.В. Антропометрия. М.: Учпедгиз. 1941. 368 с.

Васильева О.А. Египет. Греко-римский период. Больше, чем путеводитель. М.: ЛОГО ГМИИ. 2020. 153 с.

Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М.: Наука. 1971. 285 с.

Муравьёва Ю.Ю. Проблемы стилистики и технологии египетского погребального портрета I-IV веков. Автореф. дисс...кандидата искусствоведения. М. 2008. 26 с.

Павлов В.В. Египетский портрет I-IV веков. М.: Искусство. 1967. 84 с.

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю., Шимановская А.С. К антропологии Фаюмского оазиса I-IV веков нашей эры // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2012. №4. С. 127-133.

Фридманн А.М. Погребальные портреты в контексте проблемы самоидентификации населения римского Египта (I-IV вв. н.э.) // Восток. Oriens. 2012. № 4. С. 101-109.

Фридманн А.М. Предметно-художественное оформление египетского погребального обряда в римский период (30 г. до н.э.-395 г. н.э.). Автореф… кандидата искусствоведения. М. 2018. 20 с.

Borg B. E., Most G.W. The Face of the Elite. *Arion*: *A Journal of Humanities and the Classics*. *Third Series*, 2000, 8 (1), pp. 63-96.

Borg B. E. Portraits. In: *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Ed. by Riggs C. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 613-629.

Grimm G. *Die römischen Mumienmasken aus* Ägypten. Wiesbaden, F. Steiner Verlag. 1974. 199 p.

Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Erster band: somatologie.* Jena, Verlag von Gustav Fisher, 1928. 578 p.

Müller A. New research on roman period mummy masks: the case example of the Budapest museum of fine arts collection. In: *Burial and mortuary practices in late period and graeco-roman Egypt*. Ed. by Kóthay K.A. Budapest, Museum of fine arts Press. 2017, pp. 291-306.

Müller A. *Ägyptens schöne Gesichter. Die Mumienmasken der römischen Kaiserzeit und ihre Funktion im Totenritual. AF 39.* Wiesbaden, Reichert Verlag. 2021a. 426 p. doi.org/10.34780/39am-96ag

Müller A. *Ägyptens schöne Gesichter. Die Mumienmasken der römischen Kaiserzeit und ihre Funktion im Totenritual. AF 39. Datenbank-Katalog*. Wiesbaden, Reichert Verlag. 2021b. 8953 p. Accessed at 2025/01/10 19:06:42.

Pagenstecher R. *Die griechisch römische Sammlung Ernst von Sieglin. I. Malerei und Plastik. Expedition Ernst von Sieglin, Ausgrabungen in Alexandria II.* Leipzig, Giesecke & Devrient. 1923. 253 p.

Petrie W.M.F. *Hawara, Biahmu and Arsinoe*. London, The Leadenhall Press. 1889. 142 p.

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026

Riggs C. Facing the Dead: Recent Research on the Funerary Art of Ptolemaic and Roman Egypt. *American Journal of Archaeology*, 2002, 106 (1), pp. 85-101.

Riggs C. *The beautiful burial in roman Egypt*. *Art, identity and funerary religion.* Oxford, Oxford University Press. 2005. 366p.

Walker S. Mummy Portraits in their Roman Context. In: *Portraits and Masks: Burial Customs in Roman Egypt* Ed. by. Bierbrier M.L. London, British Museum Press. 1997. pp. 1-6.

References

Borg B. E. Portraits. In: *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Ed. by Riggs C. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 613-629.

Borg B. E., Most G.W. The Face of the Elite. *Arion*: *A Journal of Humanities and the Classics*. *Third Series*, 2000, 8 (1), pp. 63-96.

Bunak V.V. *Anthropometry.* Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 368 p. (In Russ.).

Fridmann A.M. *Artistic decoration of the Egyptian funeral rite in the Roman period (30 BC - 395 AD)*. PhD in Art history Thesis. Moscow, 2018. 26 p. (In Russ.).

Fridmann A.M. Funerary portraits in the context of the problem of self-identification of the population of Roman Egypt (1st-4th centuries AD). Vostok *Oriens*, 2012, 4, pp. 101-109. (In Russ.).

Grimm G. *Die römischen Mumienmasken aus* Ägypten. Wiesbaden, F. Steiner Verlag. 1974. 199 p.

Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Erster band: somatologie.* Jena, Verlag von Gustav Fisher, 1928. 578 p.

Müller A. *Ägyptens schöne Gesichter. Die Mumienmasken der römischen Kaiserzeit und ihre Funktion im Totenritual*. *AF 39.* Wiesbaden, Reichert Verlag. 2021a. 426 p. doi.org/10.34780/39am-96ag

Müller A. *Ägyptens schöne Gesichter. Die Mumienmasken der römischen Kaiserzeit und ihre Funktion im Totenritual*. *AF 39. Datenbank-Katalog*. Wiesbaden, Reichert Verlag. 2021b. 8953 p. Accessed at 2025/01/10 19:06:42.

Müller A. New research on roman period mummy masks: the case example of the Budapest museum of fine arts collection. In: *Burial and mortuary practices in late period and graeco-roman Egypt*. Ed. by Kóthay K.A. Budapest, Museum of fine arts Press. 2017, pp. 291-306.

Muravyova Yu.Yu. *Problems of stylistics and technology of Egyptian funerary portraits of the 1st-4th centuries.* PhD in Art history Thesis. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.).

Pagenstecher R. *Die griechisch römische Sammlung Ernst von Sieglin. I. Malerei und Plastik. Expedition Ernst von Sieglin, Ausgrabungen in Alexandria II.* Leipzig, Giesecke & Devrient. 1923. 253 p.

Pavlov V.V. *Egyptian portrait of the 1st-4th centuries*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967. 84 p. (In Russ.).

Perevozchikov I.V., Shpak L. Yu., Shimanovskaja A.S. The anthropology of the Fayum oasis 1st - 4th centuries AD. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2012, 4, pp. 127-133. (In Russ.).

Petrie W.M.F. *Hawara, Biahmu and Arsinoe*. London, The Leadenhall Press. 1889. 142 p.

Riggs C. Facing the Dead: Recent Research on the Funerary Art of Ptolemaic and Roman Egypt. *American Journal of Archaeology*, 2002, 106 (1), pp. 85-101.

Riggs C. *The beautiful burial in roman Egypt*. *Art, identity and funerary religion.* Oxford, Oxford University Press. 2005. 366p.

Vasilyeva O.A. *Egypt. Greco-Roman Period. More Than a Guide*. Moscow, LOGO GMII Publ., 2020. 153 p. (In Russ.).

Walker S. Mummy Portraits in their Roman Context. In: *Portraits and Masks: Burial Customs in Roman Egypt* Ed. by. Bierbrier M.L. London, British Museum Press. 1997. pp. 1-6.

Whipper B.R. *Art of Ancient Greece*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 285 p. (In Russ.).

Информация об авторе/ Information about the author

Шпак Лариса Юрьевна; к.б.н. НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
larusparus@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6936-9426

Shpak Larisa Yu.; Ph.D., Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
larusparus@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6936-9426

Поступила в редакцию 13.04.2026.
Получена после доработки 13.05.2026.
Принята к публикации 13.05.2026.

Received 13.04.2026.
Revised 13.05.2026.
Accepted 13.05.2026.

© Шпак Л.Ю., 2026
© Shpak L.Yu., 2026